

01.06.39

Отец русской музыки

(К 135-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. И. ГЛИНКИ)

...«Приходит время, когда умы, насыщенные разнообразными произведениями искусства, ограниченного кругом языка условного, избранного, обращаются к смелым вымыслам народным и просторечию, сначала презренному», — писал в 1828 году в одной из неизданных статей А. С. Пушкин, отмечая тот подъем интереса к народному искусству, который начинал пробуждаться у лучших его современников. Сам Пушкин полными пригоршнями черпал из богатейшего источника народного творчества, с любовью обращаясь к «презренному просторечию» и художественно претворял в своих произведениях «смелые вымыслы народные». Близость к народу и его творчеству и определила то, что Пушкин стал поистине великим народным поэтом, создателем русского литературного языка и основоположником новой русской литературы.

То же нужно сказать и про младшего современника Пушкина — отца русской музыки — Михаила Ивановича Глинку. Он — первый великий русский композитор, который, по его собственному признанию, «стал преимущественно разрабатывать народную русскую музыку», в своем творчестве приблизился к народной мелодии, к характеру русских музыкальных ладов и создал музыкальные произведения, которые по своему значению могут быть смело сравниваемы с произведениями литературного гения Пушкина.

Эти два великана художественной мысли идут рука об руку, утверждая основы русского народного самобытного искусства. Поэтическая деятельность Пушкина со-

ставляла эпоху в истории нашей литературы, ибо только «с Пушкиным русская поэзия из робкой ученицы явилась даровитым и опытным мастером» (Белинский). Композиторская деятельность Глинки, блестяще овладевшего вершинами музыкального мастерства, двинула вперед развитие нашей замечательной музыки, по праву занимающей одно из первых мест в мире. Как и литературные творения Пушкина, музыкальные произведения Глинки выдержали испытание временем и в нашу эпоху, отделенную целым столетием от момента их создания, продолжают волновать нас, став в полной мере достоянием народа великой советской страны.

Михаил Иванович Глинка родился 1 июня 1804 года в дворянской семье и уже в детстве проявил исключительную любовь к музыке. Еще ребенком он восторгался русскими песнями, которые ему удавалось слышать в исполнении небольшого оркестра из крепостных музыкантов, получаемого «напрокат» от дядюшки будущего композитора.

У одного из крепостных музыкантов дядюшки оркестра Глинка получил и первые уроки на скрипке, одновременно обучаясь игре на фортепиано под руководством выписанной из Петербурга гувернантки. Однако, серьезное музыкальное развитие Глинки связано со временем его пребывания в петербургском «благородном пансионе» (1817—1822 гг.), когда он имел возможность слышать настоящих мастеров музыки, посещать оперные постановки французских композиторов. Музыкальные интересы всецело овладевают Глинкой.

«Музыка — душа моя» — признавался он. Занятия с учителем музыки Ж. Майером, который, как говорил сам Глинка, «более всех других способствовал развитию его литературного таланта», и особенно с находившимся в то время в Петербурге и знаменитым пианистом и композитором Дюссоном Фильдом — дали толчок к первым опытам Глинки в области музыкальной композиции.

Юный Глинка очаровывал своих товарищей по пансиону искусством музыкальной импровизации. «В этих звуках, дрожащих восторгом, высказывал он и свои детские мечты, и свою томную грусть, и свои живые радости» — вспоминает его школьный товарищ Мельгунов. В это время Глинка создает уже ряд романсов, из которых особую популярность по-

лучил романс «Не искушай меня без нужды». Глинка целиком хочет посвятить себя музыке, но его родные и думать не хотят, чтобы он отдался этой «пагубной склонности». Наперекор своим влечениям Глинка по окончании пансиона «служит» в одном из департаментов, умножая ряды «архивных юношей», по шутливому выражению Пушкина. Однако, как и у Пушкина, интересы Глинки были далеко за архивами тогдашних департаментов, и он в 1828 году бросает службу с тем, чтобы к ней больше уже никогда не возвращаться. Глинка знакомится с Жуковским, Пушкиным, Грибоедовым и другими корифеями русской литературы, увидевшими в нем большой талант, однако, требующий дальнейшей шлифовки.

Не без влияния этой новой среды Глинка и совершает в 1830 году поездку за границу для пополнения своих знаний в области теории композиции.

На родину он возвратился новым человеком: «Уехал от нас как дилетант, — говорит его современник Мельгунов, — а возвратился как maestro».

Установив по приезде из-за границы тесное сотрудничество с Пушкиным, Гоголем, Вяземским, Одоевским и другими представителями передовой литературной интеллигенции того времени, Глинка начинает работать над созданием русской национальной оперы «Иван Сусанин». Мысль о создании ее дал Глинке Жуковский, который обещал дать для оперы и либретто (текст). К сожалению, это сотрудничество не состоялось, и композитор попал в руки бездарного «драматурга» барона Розена, который написал неуклюжими виршами текст новой оперы, подменив понятие национального — монархическим и причинив столько мучительных огорчений создателю оперы — Глинке.

Однако, несмотря на это, сила драматизма в характеристике народного патриота Сусанина, в столкновении его с интервентами-поляками, выводят оперу далеко за рамки «официального патриотизма» того времени, возвышают идею оперы до торжества великого гражданского долга перед родиной, готовности в трудную минуту отдать за нее жизнь. Замечательные по музыке народные хоры оперы говорят о глубоком понимании характера и особенностей русской народной песни.

Но это-то и делало оперу, поставленную впервые 27 ноября 1836 года, неприемлемой для царской России. Музыка оперы была отвергнута придворной кликой Николая I и аристократическими кругами, ее называли «кучерской». Об «Иване Сусанине» руководители императорских театров, бешено ненавидевшие истинную народность в искусстве, отзывались, как о «вздоре и галиматее».

Талант Глинки был отвергнут верхами тогдашнего общества, и «забытому почти всеми русскому композитору пришлось снова являться в салонах нашей столицы по рекомендации иностранного артиста», с горькой иронией отмечает непризнанный Глинка в 1842 году. Между тем, великие композиторы мира Лист, Берлиоз, Мендельсон ставили оперу Глинки в один ряд с величайшими произведениями мирового искусства. Чайковский признавал ее «по гениальности, размаху, новизне и безупречности техники, стоящей наряду с самым великим и глубоким, что только есть в искусстве».

«Как поэма и музыка, — писал А. Мережко, — это такой правдивый итог всего, что Россия выстрадала и излила в песне: в этой музыке слышится такое полное выражение русской ненависти и любви, горя и радости, полного мрака и спящей зари. Это сперва такая горькая жалоба, потом гимн искупления такой гордый и торжествую-

щий, что каждый крестьянин, перенесенный из своей избы в театр, был бы тронут до глубины сердца».

Но то, что оценили величайшие умы человечества, не могли признать, исполненные презрением ко всему русскому, талантливому, «глубокие мундиры» Николай Палкина. Такое же отношение встретил Глинка и ко второй своей опере «Руслан и Людмила», написанной на сюжет одноименной поэмы Пушкина. В этой опере еще шире и глубже развернулся музыкальный гений Глинки. Необычайная мощь, реализм и драматизм народного эпоса звучат со страниц этой изумительной оперы. От начала до конца опера проникнута народным песенничеством, причем наряду с величавой русской песней в «Руслане» мы встречаемся с мотивами многих народов нашей страны: тут и татарские напевы, и кавказская лезгинка, и персидская мелодия, и финская песня, и ряд других народных мелодий.

При этом народная мелодика оперы сочетается с совершенством музыкальной формы, с замечательным оркестровым мастерством и необычайной широтой музыкального диапазона автора. Однако в то время разные Фамусовы и Скалозубы, занимавшие партер и кресла первого ряда в Большом камерном театре, где ставилась премьера «Руслана», «усердно шикали», и вскоре гениальную русскую оперу совсем сняли с репертуара «императорских театров». Это был второй удар, нанесенный великому музыкальному гению русского народа от правящей камарильи Николая I. По свидетельству Даргомыжского, Глинка «до гроба питал ненависть к русской аристократии за непонимание «Руслана». Сам Глинка писал:

«У меня сумели отнять все, даже энтузиазм к моему искусству — мое последнее прибежище».

Однако, любовь к музыке ни на один момент не покидает его. Глин-

ка едет в страну своих давнишних мечтаний — в Испанию. Результатом этой поездки были две испанские увертюры для оркестра: «Ночь в Мадриде» и «Арагонская хота». Эти увертюры, написанные на подлинно испанские народные темы (сохранилась записная книжка Глинки с 17 записями народных испанских песен и плясок), а также «Камаринская», созданная на русские народные мотивы, явились предтечами русской симфонической музыки.

Помимо этих крупных оперных и симфонических произведений, Глинка написал 40 пьес для фортепиано и 85 романсов и песен. Это — лирика любви, дружбы и радостного чувства жизни, выраженная в прекрасных по сочетанию ясности с красотой художественной отделки формах.

Таково то музыкальное наследство, которое оставил нам гениальный русский композитор.

Как и Пушкин, Глинка принадлежит к числу тех творческих гениев, которые своими созданиями были обращены в будущее. Это прекрасно сознавал и сам Глинка. Он пророчески говорил своей сестре: «Поймут твоего Мишу, когда его не будет, а «Руслана» через сто лет». Глинка был прав.

Сейчас его творчество высоко поднято всеми народами нашей свободной страны. «Руслан и Людмила» не сходит со сцен советских оперных театров, замечательная патристическая опера «Иван Сусанин» в обновленном тексте при полном сохранении музыкального содержания вошла в репертуар глубоко волнующих созвучных нашей эпохе оперных произведений. Его симфонии и романсы исполняются с подмостков народных домов и рабочих клубов.

Слава его и любовь к нему, отцу великой русской музыки, широких народных масс пребудут в веках.

В. БАРТЕНЕВ.